

М. ПОГРЕБИНСКИЙ ФАБРИКА ЛЮДЕЙ

■ ■ ■

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 454

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“

МОСКВА—1929

РИЧАРД КОННЕЛЬ

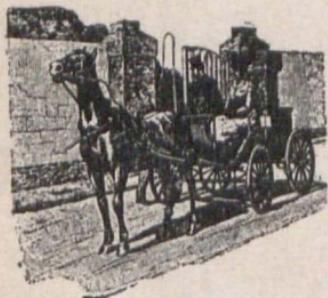
ДРУГ НАПОЛЕОНА

РАССКАЗЫ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 428
АКЦ. ИЗД. О-ВО «ОГОНЕК»
МОСКВА—1929

ГЮИ ДЕ МОПАССАН ЖИЗНЬ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 441
АКЦ. ИЗД. О-ВО «ОГОНЕК»
МОСКВА—1929

ШАРЛЬ ЛУИ ФИЛИПП БЮБЮ С МОНПАРНАССА

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 444
АКЦ. ИЗД. О-ВО «ОГОНЕК»
МОСКВА—1929

ДЖОНАТАН СВИФТ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛАПУТУ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 445
АКЦ. ИЗД. О-ВО «ОГОНЕК»
МОСКВА—1929

М. ПОГРЕБИНСКИЙ

ФАБРИКА ЛЮДЕЙ

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“
Москва—1929

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ
ОФСЕТ-ПЕЧАТНЯ
Акц. Изд. О-ва
„ОГОНЕК“
МОСКВА, Последний
пер., д. 26.

Глав. лист № А33.018
Тираж 20.000

В сентябрьское утро 24 года по камерам дома заключения было сообщено о том, чтобы все малолетние, не свыше восемнадцати лет вышли в общий коридор. Забрали всех из рабочего коридора, из всех мастерских.

Всего набралось 21 человек. Выстроились по два, у всех недоумение, у каждого вопрос—зачем? Пришли двое вольных. Одному ребята сразу дали кличку Кубанка—черненький, маленький. Другой—лысый—«вроде профессора». Встретили они ребят и начали переговоры. Сначала ничего не понимали ребята. Ванька-Корова, искося поглядывая на вольных, сразу решил: «Жука пускают, ас не проведешь—стреляные птицы».

Мишке-Ходок шептался с товарищем слева: «Фраера¹ ищут, а, может быть, и не так». Струсила малость: «Может быть, агенты. Две нераскрытых имею, опознают—уже будет, прибавку дадут, стрюжку² и так имею».

Орангутан решил: «Газетчики пришли. Надо же кормиться, поговорят с нашим братом и—хлеб; статейку напишут, карточки приложат, нам ничего, а им прибыльно. Пушай себе, не жалко».

Щупали друг друга глазами, приглядывались друг к другу. У большинства безразличное настроение. Ладно,

¹ Фраер—ничего не понимающий в воровском деле—простак

² Стрюжка—3 года.

дескать, пущай смотрят, может, и пострадавшие—«да воров им не опознать. Где уж тут!»

Вольные потихонечку, слово за слово, щупали, разглядывали, а ребята решили использовать приход—нет, нет попросят папиросу—быстро разобрали коробочку.

Поговорили недолго. Так, вообще, сказал Лысый на счет какой-то коммуны, что не худо бы организовать, да на свободе пожить. Да и мы—сами с усами, знаем, что на свободе не худо, однако, нас не купишь.

Разошлись по камерам ни с чем, а некоторых злово взяло: «Тревожат зря, чего от нас надо? Срок имеем, отсиживаем, а приставать зря не следует». Так они разговаривали с дежурным надзирателем, пробовали допытываться у него, зачем, дескать, приходили с воли?

Тот отвечал незнанием.

Скоро о вызове ребята забыли, но через три дня их вызвали второй раз. Пришли опять те же. Интересно стало—тут что-то не зря! Прислушивались. Пришедшие говорили, что они из ОГПУ и что, ежели ребята согласятся, сми хотят создать из них такую «коммуну», вроде артели; артель эта будет жить сама по себе, свободно, делами ее сами ребята управлять будут. Никакого начальства—все порядки свои, работай, живи и все. А ежели что плохо случится—судить будут сами ребята. Невдомек им, как же это так: и срок имеется, и отсиживать надо, а вдруг «благодетели»—на-те, выпустят, работай и живи как хочешь?

Оно, быть может, и поверить можно, только не ГПУ. Как это так? Дальше затянулась беседа, некоторые заинтересовались. Ванька-Корова даже приставать к Лысому

стал, что это за коммуна? Где такие права, чтобы со сроками выпускать? Или амнистия скоро?

Тот, что в кубанке, все в книжечку записывал, на счет «задков»¹ спрашивал. Ну, каждый, отвечая, факт, «тискает»², не фраера—мы знаем! Говорили у кого десять лет—скажет два, у кого восемь краж—говорит «по первой сижу». Кубанка не доверяет, хотя и пишет.—«Ладно,—говорят,—ребята, посмотрим и проверим. Я бы вас мог и не спрашивать, пальцы мазанные, по ним картинку видно, да только говорите на чистоту!» На чистоту никто не говорит, все «тискают». Думают ребята—не к добру все это.

Потом, поговорив, решили: «Ладно, ежели возьмут—хуже тюрьмы не будет. Посмотрим, а, главное, может, случай, фарт такой выйдет, можно «сплетовать»³.

Через неделю после второго визита вольных случилось необычное: пришли тюремные портные, сапожники, вызвали 15 человек по фамилиям и начали снимать мерки. Обмерили на брюки, на верхнее, на гимнастерки и на сапоги, всем в пригонку. С каждого мерка отдельно записывается. Удивительно! Ребята не понимают. «Известное дело,—рассуждают они,—раз ГПУ—с подходцем значит!»

После этого разговоров было много. Особенно волновались остальные шесть. Как так, почему же пятнадцать выбрали, почему не всех? Что ж красивых выбирают, аль по носам?

¹ Задок—судимость.

² Тискает—врет.

³ Сплетовать—сбежать.

А еще через два дня бания, сгризка, одели во все новое, вызвали в контору и об'явили, что сейчас придет за отобранными ребятами заведующий и без конвоя поведут их в коммуну. Еще более удивительно. Каждому самое меньшее досиживать осталось два с лишним года, а тут без конвоя в какую-то коммуну. Никак не могут освоиться ребята.

Собрались в кружок, говорят шепотком между собой: «Хоша, конвоя не будет, но факт круглый: лягавые¹ будут зекать² за нами. Так что с дороги — не бежать — стопорить³ будут. Пойдем, будто на все согласны, а там на месте увидим, в чем дело. Хуже тюрьмы не будет».

Вывели их из ворот заведующий и тот, который в кубанке. Шли четыре в ряд, исcosa оглядываясь по сторонам, всматриваясь в проходящих, искали знакомых переодетых агентов.

Мелькнула фигура. Думали «милтон» с Земляного, но оказалось, не он. Заведующий и который в кубанке тротуаром идут, а ребята сами по себе. Идут спокойно.

Посмотрел Мишка-Ходок в сторону и вдруг видит на самой Сушке, на площади, по асфальту Мишка-Шермач с Земляного топает. Побледел, своего увидел, страсть охота перекинуться словечком, узнать, кто на воле, да воздержался,—подведешь товарища.

Мишка с недоверием посмотрел на проходящих. Знает почти всех. Знает, что все они в домзаке, знает, что все сроки имеют, что у каждого не меньше стрюжки, знает,

¹ Лягавый — предатель.

² Зекать — следить.

³ Стопорить — задерживать.

что недавно на деле погорели¹ и вдруг на воле, а главное одеты все одинаково, да все на маслов² похожи. «Неужто сплетовали?»—промелькнуло в голове Мишки. Завернул за угол, подождал, решил топать за ребятами. Подумал, что надо обязательно выяснить эту историю.

На Ярославском вокзале опять необычайное: черненький, который в «кубанке», дал Ходоку деньги, послал в палатку хлеба и колбасы купить на всю «хевру³. Пошел Ходок без провожатого, но прихватил на помощь Орангутана—нести покупку одному тяжело будет, а Мишка-Шермач тут как тут. Псдошел, расспрашивает: в чем загадка? Строго посмотрел по сторонам Ходок и шепотом Мишке:—«Канай»⁴, лягавые зекают.

Ходок был глубоко убежден, что за ним следят и что, если заговорит с Мишкой, он может выдать его, да и к своей группе подорвать доверие и уж если решили ехать, стало быть никаких разговоров с посторонними.

Сели в вагон, раздали всем хлеб, колбасу, папиросы. Перекусили. Сидят, покуривают, по сторонам поглядывают.

У Малышки глаза разгорелись. Напротив него сидел прилично одетый мужчина, у которого чердачок⁵ так и оттопыривается. «Хорошо бы при выходе купить у него чердачок»,—размышлял про себя Малышка. А вот

¹ Погореть—сесть.

Маслы—солдаты.

² Хевра—компания.

⁴ Канай—уходи.

⁵ Чердачок—бумажник в верхнем кармане.

у того бочата рыжие¹ фарт. Размечтался, но — ненадолго, понял, что хоть покупить можно, хотя куш хороший, да и уйти бы можно, но приметен он, обличовка приметная: в шинель одели, сапоги, костюм защитный и фуражка защитная, в этом далеко не уйдешь — застопорят. К тому же и договор был с ребятами. Так и отогнал соблазн.

Стемнело, похолодело. Приехали, шли через парк. Стоит большой барский дом. В дом сразу не ввели, повели наверх в прачечную и разместили в сушилке летней спать на матрацах. Тут же остались ночевать заведующий и «Кубанка». Перед сном дали поужинать: чай с сахаром, хлеба, да колбаски немного.

Ребята заснули быстро. Только двое не спят — Лысый и в кубанке, хотя вид щадят, будто спят, а сами глазком одним поглядывают, думают: уйдут или нет? Двое ребят за всю ночь выходили на волю, но вернулись, не ушли.

На утро созвали собрание, долго говорил заведующий, еще раз повторил правила коммуны. Разъяснял ребятам, что в коммуну приход добровольный и уход добровольный, никаких решеток, никакой охраны. Двери всегда открыты, все, что для них делается — дается в долг — ничего даром получать они не будут. В зависимости от того, как они будут работать и будет строиться их благополучие. Никто не имеет права наказывать их. Высший орган — общее собрание. Все вопросы будут решаться этим собранием. Дальше прием ребят в коммуну будет

¹ Рыжие бочата — золотые часы,

проводиться уже самими ребятами. Сами будут ездить в тюрьму, сами отбирать ребят, сами будут принимать их в коммуну. Вслушивались ребята, не доверяя, но внимательно. Много было вопросов. Не понимали, каким образом они сами смогут построить коммуну? Завелись споры: как же, на кого работать? Им разъяснили:

— Коммуна ваша, работайте на себя. Заведующий существует для того, чтобы помогать правильно организовать свой труд и жизнь.

В этот день приступили к работе. Тяжела была работа: первый день пришлось чистить навоз и свинарню. Эта самая свинарня предназначалась для мастерской. Кое-кто мозоли натер себе, кое у кого и спину ломило, отдохнуть удалось только тогда, когда звонок оповестил о том, что пора обедать. Обед был сытный, ребятам понравился. Покушали плотно.

После обеда снова работать. Так—день за днем. Начали понемногу сматываться с обстановкой. Наступала зима, выпал снег, стало холодно. Может быть, и уйти бы по желали многие, да не сильно разбежишься—надо подождать тепла. Не совещались, а так, каждый сам по себе решил подождать, присмотреться, уж очень забавно, что будет дальше. К этому времени выделилась группа в пять человек—актив.

А через месяц на собрании выбрали трех ребят, и они вместе с заведующим поехали в тюрьму набирать новую партию.

Ломались сначала ребята, которых посыпали, совестно как-то ехать отбирать; все—свои, все вместе воровали, все вместе сидели, кого же выбирать? Долго говорили на

собраний, много спорили. Общее собрание решило отбирать лучших, наиболее здоровых и ловких. Отобрали, привезли. Во второй партии приехал Сенька-Хрящ. Вышел Сережа-Политик на возвышение, вроде трибуны, и начал разъяснять пришедшему ребятам правила коммуны. Сенька-Хрящ так и задрожал: «Эх, гад, ишь какую рацею разводит! Подожди, разведу тебе». А счеты у них были большие. Сенька-Хрящ отбывал срок в Серпуховском вместе с Политиком. Фарт был у него—выигрывал много, а в тот раз не повезло. Все пайки проиграл, на чистуху, да еще вперед десять паев проиграл Ваньке Косому, а Ванька поручил Политику получить два пайка с Сеньки. Сенька обещается отдать, когда получит. Тут и вышла история, начали его «волтузить козелком» из под нар, долго волтузили. Кричать нельзя — надзиратель придет, стало быть, тогда в лягавые запишут, все равно убьют. Стиснув зубы, молчал Сенька и решил отплатить Политику при случае. Все это сейчас про meltкнуло перед ним. «Подожди,—подумал он,—вот где мы с тобой счеты сведем!» И выкрикнул вслух:—Будет, знаем, сами с усами, не хуже вашего понимаем, жрать охота, баснями соловья не кормят.

Политик заприметил Сеньку, понял, побледнел. С этого времени началась между ними молчаливая борьба.

Сенька группировал вокруг себя, Политик—вокруг себя. Атмосфера накалилась. Начали вырастать главари. Крепко знали организаторы, что если появятся вожаки—гибель коммуне! Только при спаянном коллективе, только тогда, когда весь коллектив будет управлять, возможно развитие этой организации.

Много пришлось работать. Вдруг, случилось другое несчастье. Шишка-Канючка решил, что жисть не в жисть — понюхать захотелось. Взял ляпнул одеяло, две простыни, прихватил шинельку товарища, да сплетовал.

Спустил на Сушке, пришел в Проточный в Хазовку. Сидит Иуда — хозяин, значит. Маруська сидит Мишина, Лешка-Монашка, Богатырь-Ванька, Нишка. Поели, легли спать. Встали утром, пошли на рынок. Глядят собралась «хевра», взяли чердачок у одного, пошли домой, стали пить. Понравилось, что опять на вольной жизни. Попили, понюхали, купили марафету¹ на завтра. Легли спать, а утром опять воровать. Знал, что такое правило есть в коммуне, что кто так уйдет, ловить не будут, не принуждают, дескать, хоть и срок не отсидел, а все же ловить не будут. Но только нет того правила, чтоб воровать можно. За это убить могут. Неспокоен был, а все же остался жить в Хазовке.

Через несколько времени Иуда уехал в деревню, комнату запечатали, негде было спать. Пошел к Касатке на Волчатник (хозяина звали Касатик потому, что он всех звал «касатик», а хозяйку — Касатка).

Касатик спрашивает: — Деньги есть? — Нет. А денег нужно, охмелиться охота. Попросил у Касатика, не дает. Начали ругаться. Марафету просил, тоже не дает. Жена хотела дать, Касатик жену заругал: «Гони всех!» — кричит. Мы его на баса² взяли: «Не к тебе, дескать, пришли, к Касатке».

— Значит, меня не знаете?

¹ Марафет — кокайн.

² На баса взяли — взяли криком.

— Нет, ведь ты что, ты здесь никто, мы тебя не знаем.

Он грозиться начал, «сейчас, дескать, председателя приведу, милицию, всех заберут», но все-таки знал, не раз было—наорет, наорет Касатик и перестанет. Так у него и остался жить Канючка.

Через несколько дней воскресенье было. Встал рано утром, побежал с Дунькой, с Соском, на рынок. Народу было не так много. Идет фраер. Чердачок отдут. Сосок кричит: «Порядок, распугивай»¹.

Чердак у фраера «купил»,—а тут Сосок опять кричит: «Шухер»². Канючка бежать, убег. Приходит домой, разделили деньги с Соском, он ушел домой, а Канючка в Хазовке остался.

Пришел Богатырь, сели в карты играть. Вещи и деньги проиграл чистоганом, опять на рынок бегал, ничего не купил, так день пропутался.

На другой день Сосок с Бедной помог: у палатки 16 рублей купил. Пришел домой, там целая хеврасрут, играют. Опять проиграл, опять на рынок. Взял хороший куш. У фраера червонцы покупил. Ребята удели, пристали. Пришлось Мотю³ взять.

Но тут опять пошла пьянка, гулянка. Вечером на биллиарде играл. Так две недели прогулял, а потом «погорел».

Ребята и следили за ним и знали про все это, но решили не трогать, а когда погорел, в тюрьму за

¹ Порядок распугивай—условный знак начинать работу.

² Шухер—тревога.

В долю.

новой партией пришли—не взяли. На общем собрании сообщили. Подействовало. Ребята понимали: сколь не воруй, а *неминуемо* погоришь!

Не порвали еще совсем ребята с прошлым. Иногда собирались группы, о чем-то шептались и больше насчет того, нет ли тут подвоха.

Однажды вечером, собравшись, ребята беседовали между собой, и вот большой скептик Мишка-Ходок завел разговор о том, о сем и, наконец, перешел на излюбленную тему—что надо быть осторожным и не дать себя подвести.

— Что ни говорите, братцы,—начал он,—а хитрющий есть на свете народ. Так, того и гляди, тебя опутают. Другому, кажется, ни к чему—делает там что человек, аль что задумал, а взглядишься, вдумаешься—на все своя линия имеется. М-да... Ну, только спроста нас не юптаешь. Взять хотя бы меня. Известное дело, по тихой бегал¹. Вот раз пошел я на Кудринскую площадь. Там на углу дом такой есть, раньше богатейший буржуй жил, а теперь, видать, народ советский. Хожу, значит, по коридору, слышу шумит примус. Взошел наверх, примусочек притушил, да с покупочкой вниз. Только я успел выйти со двора и поравняться с кооперативом, а за мной мужчина бежит, здоровый такой. Тут мои ноги загудели, запросились: «Бежим, дескать, Мишка, а то засыпимся», а голова сообразила, поумней она ног, значит, ну, и сообразил—ножки попридержал я, остановился и в конце кооператива поглядываю. Пальто у меня широкое, а под ним примусок к поясу

¹ По тихой бегал—занимался медкими кражами во домах.

привешен, не видно его. Повернулся даже, так прямо на гражданина посмотрю и опять в окошечко. Гражданин поглядел на меня, видит за спиной у меня бидон, в котором молоко разносят, ну и подозрения никакого, прошел мимо. Вот, братцы, выходит так—на все соображение нужно. Не захвати я бидончик, тут и пропал бы. А то так бывает: в квартиру зайдешь, начнешь работать, а тут хозяин нагрянет, а у меня бидончик, имею, стало быть, оправдание, молоко, дескать, продаю, а для крепости у меня в бидоне две кружечки молочка, водичкой разведенные.

— Это ты к чему все лепишь?—задал один из ребят вопрос.

— Я все к тому же, что зря нас не опутаешь, а мы сами кого хошь опутаем.

— И вовсе ни к слову ты все это,—вмешался в разговор Блондин,—и ни к чему, и невпопад, а так просто трепешься.—Сделав паузу, Блондин оглядел всех, давая этим понять, что он собирается рассказать что-нибудь интересное и именно такое, что соответствовало бы событиям сегодняшнего дня. Все приготовились слушать Блондина.

Любят ребята разные сказки слушать и выдумку, и правду, лишь бы позанятнее, да чтоб побольше трюков в похождениях. С особым уважением относятся они к хорошим рассказчикам, и передачей своей поделятся и в очереди по уборке подменят, словом, рассказчик у них в почете.

— Много, братцы, мы сказок сказываем и придумывать их среди нас есть мастера, а только есть у меня не

сказка, не басня, а жисть, настоящая жисть вора ста-
рого, и думал я над его жизнью, и читал я это опи-
сание. Никому его не показывал, а теперь вам, ребята,
передать хочу, как вы скажете.

Прошлый год, когда я попался за кражу, осудили
меня на шесть месяцев и по отбытии срока высылку
три года дали. Вот когда отправляли нас партией, то
вместе с нами был этот самый, о котором сегодня раз-
говор поведем. Много мы с ним говорили, много он мне
рассказывал о своей жизни в старое время и теперь,
много испытал он, много видел, много читал. Вот когда
мы с ним расставались, он мне передал вот это,—и
Мишке вынул из кармана тщательно завернутые в га-
зету листов десять исписанной бумаги и заявил:—Чур,
не мешать, не перебивать, приступим к чтению.

ЖИЗНЬ ОДНОГО „МЕДВЕЖАТНИКА“¹

На тридцать четвертом году своей жизни я решил
использовать время своего заключения для того, чтобы
записать свою жизнь. Это я делаю совершенно созна-
тельно, с большой охотой, и если это изложение мне
удастся, то я хотел бы, чтобы об этом узнали те,
кто может еще опомниться, но этого не делает.

Последний раз, когда я сел за взлом несгораемого
шкафа, я сказал себе: «Хитри, мудри, будь ловок, из-
ворачивайся, смотри, как говорится, в корень. Сорвешься
и сядешь снова, вини себя, никто тебя не продал, никто
тебя не посадил». Думал—сорвусь и буду еще злей
воровать, рассчитывал махнуть в Сибирь. А сорвался

¹ Медвежатник—валомщик несгораемых шкафов.

я из Кеми и образ жизни повел пной, не такой, о каком думалось. Сел вот сейчас, имею десять годов срока. Вначале полагал просижу года четыре, амнистия будет, а выходит, что это я только думал. Да это было главным моим желанием.

Умел я быстро и остро схватывать то, что мне было нужно. Умерла мать, тяжело это пережилось, это первый драгоценный был для меня человек. Есть еще один, думается дорог, как жизнь,—это брат. Но теперь, год, примерно, тому назад, как-то стал притупляться, к окружающему относиться менее внимательно, холоднее, безразличнее.

Эх, братцы, а ведь жизнь моя сложилась так, что до семнадцатого года нормальным считал я жизнь в тюрьме. Тут у меня есть все хозяйство: полотенце, чайник, кружка. Нужно следить за чистотой, стирать, а воля—какой-то сон, опьянение. О ней, о воле только вспоминал и грезил. На воле пробудешь два-три месяца, а тюрьма годик, да так подряд несколько раз. Тюрьму я использовал по-своему: много читал, много работал и тем не менее верил, что всю жизнь буду воровать, знал твердо, что никак не смогу быть другим. А иногда часто хотелось быть другим. Я вспоминаю, что где-то прочел афоризм, думается, Горького—«Жизнь нас тасует как карты, и редко кто из нас попадает на свою полочку». И я стал мечтать, здорово мечтать, иногда до болезненности мечтал о том, чтобы сделаться настоящим человеком. И основным стержнем всех моих мечтаний, исходным моментом была какая-нибудь женщина,

настоящая, хорошая. А ведь до 17 года, кроме проституток, я не знал ни одной женщины. И думается мне—встретил бы я женщину-мечту, не знал бы о чем с ней говорить. Я умел говорить тогда, когда пил, а без водки и радости нет. Ничего бы ее не могло заполнить, заменить. Вот как меня дергало, и не знал я, где мне выход найти. Книги читал всякие, какие под руку попадались, без всякого руководства. Больше читал критику по литературе, вообще серьезные книги. Когана «Очерки по истории западно-европейских литератур» хотел изучить. В старое время, когда я мальчиком, сидя в тюрьме, главным образом, в Таганке, видел много интересных людей, ибо почти все время работал в одиночном корпусе уборщиком и полотером и среди этих людей терся, мой интерес к научным книгам заставлял часто обращаться к некоторым за разъяснением. Помню, один приват-доцент, он же и присяжный поверенный Протасьев, спросил, правда ли, что я читаю только научные книги, и на мой утвердительный ответ он заявил: «Напрасно, мол, ты это делаешь, читай лучше беллетристику, там скорей жизни научишься». Это мне не понравилось, и я почти ни к кому из них больше не обращался за разъяснениями. Память у меня была замечательная—«Бориса Годунова» Пушкина в неделю наизусть запомнил. Любил читать больше всего Пушкина и Достоевского. В Пушкине больше всего «Бориса», а у Достоевского—«Идиота». Как-то вечером после поверки читал книгу Коркунова «Энциклопедия права» и спросил себя, а что такое «закон», и вот, для того, чтобы ответить, нужно было напрячь все внимание,

охватить человеческие отношения и продумать довольно долго. В первый раз я понял, что мыслить это тоже труд, и очень тяжелый труд. Плохого в том, что я ворую, я не видел. Только у бедняка жаль было воровать. Воровал я, конечно, и у бедных, и у богатых. Ведь идешь украдь, а где—не думаешь. Об этом я не раз спорил и никак не видел нехорошего в краже. Раньше все-таки в голове было чище, яснее, не было разбросанности. Всегда в голове было светлее или, вернее, яснее, чем в сердце. Каким далеким кажется все это прошлое, а прожитое время бесконечно длинным. В настоящее время желаний меньше, кто-то постепенно их стирает, и теперь гораздо меньше веры в себя. Ум мой притупляться начал, не могу его сейчас растормошить, чувствую, что расклеиваюсь, а это уж совсем плохо, и я решил взять себя в руки. И вот в первый раз за всю свою жизнь я начал работать в тюремной мастерской. Я работал во-всю. Берясь за рычаг машины, я чувствовал в себе громадную силу, я быстро овладел машиной и властвовал над ней. В первый период своей работы я спрашивал себя, что это: результат долгого сидения, или это время свое взяло и появились новые мысли? А вдруг я не в состоянии буду оправдать стремлений и не смогу работать? Жуть меня взяла при мысли, что я могу выпустить звено, за которое я ухватился. Я почувствовал, что тогда я пропал,—я одеревенею. И я работал, да еще как работал. Тот, кому попадут мои писания, может сказать: «Ну, что же нашел человек свое звено, тянет и вытянет». Но это не так, больно жизнь моя была окаянная, иска-

лечила меня жизнь, и хочу я, чтоб знали вы про жизнь мою проклятую. А жизнь моя вот какая была:

Жил я в детстве у отца. У него была портняжная мастерская, где работало несколько человек. Ребят было нас четверо, я старший. Плохо отца помню, помню только, что он был очень строгий, и часто мне от него попадало. Воспоминание о нем: прощеное воскресенье вечером сидели все за столом, он вдрызг пьяный, что-то спорил с матерью, разорвался, опрокинул стол и выгнал всех нас из комнаты. Прошло некоторое время, мать мне говорит: «Иди проси у него прощения». — «В чем, за что? Он скандалит, а я прощения проси? Не пойду». Начинает уговаривать, что, мол, это надо, прощенный день, и он у тебя будет просить. Пошел. Он что-то пробормотал, но в ноги не поклонился, как я делал. Обошлось. Все-таки я после у матери спрашивал: почему же он не сделал так же, как и я. Говорит: «Он отец» и т. д. Твердо помню, это меня не удовлетворило. Со слов матери знаю, что мой дедушка был в каком-то казенном учреждении сторожем, пьяный с третьего этажа вывалился и разбился насмерть. Также знаю, что отец был безземельным крестьянином Тульской губернии, Веневского уезда, только уж женившись, он приписался к мещанству. Пожалуй, я его даже не любил, а боялся, говорю это потому, что теперь вспоминаю, как, узнав о его смерти, я обрадовался. Умер отец, я пошел жить к дяде, у него же и водочку пить научился, у него первые сто рублей украл, сбежал. На Газетном переулке с ребятами познакомился, в старое время притон там был, и с тех пор воровать

пошел. Мне было пятнадцать лет, а я уже шубы в театрах с вешалок тянул. В знаменитый Рукавишниковский приют попал, а там по воровской специальности много кое-чему научился. Так я рос, пока до больших дел дошел. Всякие дела я обделывал, чисто работал.

Наступила война 14 года. К тому времени я большим вором стал, крупно «работал». Всю войну я был дезертиром с 1914 г. по 1916 г. Ходил я в это время с Киришой и Божко. Оба они ходили в форме прапорщика. Кириша мне не нравился. Он как-то свысока себя держал. Был он сыном какого-то генерала, вспыльчивый, а Божко был простой малый, артельный, окончил гимназию. Парень был находчивый, а главное верный, что среди нашего брата редко. Например, уже в 17 г. в городе «работали» шкаф, внутри был Пантиха, а на выпусксе были Киришка и Божко. Пантиха сделал налепки, дескать, выпускай. Подходит Божко и почему-то не может открыть висячего замка. Туда-сюда. Никак! Через окно выпустить невозможно—с решетками. Дело было крупное. Пантиха внутри, как зверь, мечется. Что делать? Скоро отпирать магазин. Божко говорит Кирише:—«Давай хозяина арестуем, ключи возьмем и выпустим». Так и сделал. Встретил его, отнял у него ключи, передал хозяина Кирише, а сам выпустил Пантиху. Один раз так: на Арбате в одном из переулков вывозили шкаф, его работать на месте нельзя было. Утро. Вывозили на Арбат из переулка в розвальнях, это зимой в 16 г. Когда выехали из переулка, шкаф как-то соскочил с саней, а поднять его нам не под силу. Но тут опять пустились на аферу. Остановили прохо-

дивший взвод солдат, Божко подходит к ним и просит водрузить шкаф в сани—дело ясное, коль скоро офицер приказывает, хочешь, не хочешь, а исполняй. Взвалили они шкаф. Божко наградил солдат офицерским спасибо, так шкаф и увезли. Вот до какого нахальства доходили и казалось нам, что все это так должно быть. Ничего мы в этом нехорошего не видели. Наоборот, за удаль считали мы все это проделать. Мы считались только с собой, а на все остальное нам было наплевать. Да, что и говорить: на разные шли проделки, всячески изворачивались. Вперед не заглядывали. Жили сегодняшним днем и только. Часто хотелось вольных песен, редко, но все-таки появлялись хорошие мысли. Хотелось делать хорошее, да куда уж тут! Невозможно. Особо полицейские добирали, уж такие тварюги были, что дальше итти некуда. Продажные мелкие шкуры—вот как я их называл. Корежили они нас, но и им доставалось.

Помню, как сейчас: взяли меня раз и повели в участок. Взяли так, без дела. Это было как раз в ту пору, когда в Москве произошло одно убийство, о котором очень много писали в газетах, под громким заголовком. В особенности этим отличалась газета «Раннее утро», под заголовком «Тайна черного автомобиля»—она излагала убийство шоferа Гурецкого. Все лягушки¹ об этом только разговаривали. Когда меня привели в надзильтельскую, там шла настоящая кутерьма, все сутились, бегали, приводили, уводили, словом настоящее столпотворение.

¹ Лягушки—агенты полиции.

Дело о загадочном убийстве вел молодой полицейский надзиратель Бабакин, красивый такой, франтоватый, но преподная, авантюрина, карьерная душонка. Все там были такие. Сидя в надзирательской, я слышал, как Бабакин допрашивал по этому делу городовых и сожительницу Гурецкого, которая показала, что у Гурецкого врагов, кажется, не было, а за что его убили—не знает. Словом, вся картина была для меня ясна. Слышу, Божко уличают в некоторых делах, меня тоже предъявляют мальчишке, который видел, когда вывозили с Арбата шкаф. В этот же день, смотрю, приходит стариk, я его сразу узнал, но он меня не уличил никак. Говорит:—«Нет, я не могу ничего сказать, покажите Константину Сергеевичу». Это—камердинер К. С. Станиславского, у которого мы всю вешалку внизу забрали, двое были в кабинете Станиславского, разговаривали насчет устройства концерта в офицерском собрании, а один в это время всю ее забрал. Все мы были в форме офицеров, но меня Константину Сергеевичу не показали. Этим дело не кончилось, начали мне навязывать целый ряд дел и путать других моих товарищей. Я почувствовал, что каторги мне не миновать. Вижу, что и убийство этого Гурецкого хотят нам с Колькой приkleить, и тут я снова пошел на авантюру, потребовал допроса, и когда меня вызвали к чиновнику Бабакину, поставил вопрос в упор: «Слушай, что если я сознаюсь в убийстве Гурецкого, долго ли вы меня продержите до следователя?» «Нет,—говорит,—два-три дня». Говорю ему:—«Отведи меня в уборную». Он как-то стушевался, но повел; выйдя в коридор, я ему прямо говорю:—«Слушай, Бабакин, хо-

чешь я сознаюсь в убийстве? Ведь тебе все равно, я ли убил, или кто иной. Тебе лишь бы раскрыть. Верно?»—«Ну, ну,—говорит,—далше».—«Вот я тебе сознаюсь, но с условием, чтобы ты через пять дней отправил меня к следователю. Согласен?»—«Хорошо,—говорит,—согласен».—«Да только скажи, из какого револьвера он был убит?»—«Да, что ты,—говорит,—смеешься?»—И тут же мне:—«Известно, из браунинга». Говорю:—«Знаю, что из браунинга, но из какого, среднего, большого или маленького?»—«Среднего».—«Ну, пойдем, пиши».—«Да ведь ты не подпишешься!»—«Ну, о чем говорить!»—Я считал, что это будет совершенно правильно, математически верно, потому что я всегда мог доказать, где я провел с десяти вечера до часу ночи, т.-е. в момент совершения убийства. Совершенно здраво я действовал. Написал он, я не помню, какую-то чушь. Что машину нанял на Страстном, были со мной две простиутки, я их ~~на~~ знаю и еще один, которого не назову. А застрелил я его потому, что он заподозрил, что я не офицер, мне показалось обидным,—что-то в этом роде, не помню. Я твердо взял ручку и расписался. Каким он поганым мне показался. Вот, сволочь! Кто убил,—ведь он твердо знал, что не я убил, за что убил,—какое ему дело,—лишь бы было раскрыто и благодарность ему. Сволочь, да еще не умная! И побег с протоколом к чиновнику.

В это время подходит ко мне старый лягавый Степашенко и говорит:—«Алексей, а ведь не ты убил!» Он меня знал хорошо, раза два-три вел обо мне дело. Говорю:—«Раз я сознался, значит, я убил».—«Нет, вот если

бы Божко сознался, я бы поверил. А ты нет, ты умнее его».—«Благодарю вас, а все-таки убил я».

Влетает Бабакин:—«Пойдем к чиновнику». Совсем другой, растворился:—«Ну вот,—говорит,—давно бы так, а то крутите, что же вы думаете, маленькие ребята мы, не понимаем, ведь это же сразу мне было ясно. Да, дело серьезное. Но хорошо, что нет ограбления. Может, и не повесят». Думаю: «о, сволочь, чего захотел!»

Я его таким задушевным голосом спрашиваю:—«Федор Кузьмич, а скоро ли вы меня пошлете к следователю, и что вообще у меня еще есть?»—«Да, кроме этого, пожалуй, и ничего: мальчик с Арбата вас точно не опознал,—это отпадает, по Станиславскому тоже, Редькин утверждает, что вы к нему приходили с Божко один раз, а был ли ваш с ним приход в день кражи, он непомнит».—«Что же, Федор Кузьмич, много вы будете меня ставить на уличку?»—«Ну, теперь нужды нет,—отвечает,—с вас довольно этого».

Вот это мне и нужно. В такую счастливую минуту он мне разрешил получать из кофейной обед за свои деньги и написать заявление к воинскому начальнику. Занятия окончились. В надзирательской со мной мент¹, дежурных трое. Получаю порцион и прошу послать за обедом, а также дать перо и бумаги. Отказали. Мне только этого нужно было. Я поднял шум и потребовал направить меня к следователю. Сколько они со мной ни бились, а к следователю все же отправили. Дело кончилось тем, что я доказал следователю свою неви-

¹ Мент—агент.

новность, и меня выпустили. Через некоторое время в газете «Русское Слово» градоначальник об'явил благодарность чиновнику сыскной полиции Михайлову и полицейскому надзирателю Бабакину за успешное раскрытие убийства Гурецкого. Хороший номер-то! Это после того, как следователь послал дело на прекращение. В конце концов это дело вместе с делом о побеге было в военно-окружном суде, назначалось к слушанию, но не помню, по каким причинам было отложено. Рассудил нас 17-й год.

В свое время большая злоба против них кипела. Так ненавистны мне были все эти Бабакины, Михайловы. Но только значительно позднее я понял, что тут вековая система, с которой только и можно было бороться революцией. Ничто другое не смогло тронуть этой кислой застоявшейся «лавочки». Каков на самом деле был механизм для борьбы с нашим братом? Начиная с 1906—1907 гг. я знаю почти всех агентов бывшей сыскной полиции, но среди них я не видел и не знал ни одного серьезно помышляющего о конечных целях уголовной работы. Разве кто-нибудь в этом учреждении думал о корнях преступления и о возможности искоренения преступности? Да и вряд ли это тогда было нужно. Думается, люди с такими взглядами не могли там служить. Они все там перепугались бы, если бы такая борьба повелась, они испугались бы, что им будет делать нечего, если всех воров переловят, или вдруг перестанут воровать.

Видите, как здорово!.. Но злайшему врагу не пожелаю моей и подобной моей жизни.

Блондин собрал прочитанные листы, бережно завернул в газету и спрятал в карман. Все молчали. Убедившись в том, что прочитанное произвело на ребят большое впечатление, он задал вопрос:—«А знаете ли, ребята, кто это писал?» И не дождавшись ответа, он продолжал:—«Сам знаю, что все этого человека знают. Он просится в коммуну, надо его взять».

Все сразу оживились, как будто большую тяжесть они сбросили со своих плеч. Все хором поддержали мысль Блондина.—«А тебе скажу,—обратился он к Мишке,—подумать надо. Побольше тебя люди. Хитрости, ловкости и удали много было, ан, нет, время другое, и не к лицу нам теперь хитрить!»

На дворе рассветало, а ребята только разошлись по спальням.

Через неделю на общем собрании коммуны, на ряду с другими, принят был в коммуну герой рассказа «Медвежатник».

Так постепенно, шаг за шагом, сколачивали свой коллектив, строили свою коммуну. Много нового было. Вот пример: пришли в коммуну и в бога и в закон ругались. Заведующий чуть-чуть попридерживает, но не очень. Никаких книжек нет, газет тоже, учить грамоте—не учат, знай только работай! Жалованьишко стали давать. Конечно, жалованьишко дешевое—кому полтинник, кому рубль, а больше двух—никому, пока на сдельную работу не перешли.

Начали ребята в слесарной работать. Пошли миллиметры, сантиметры, а они грамоте не знают—трудно было без грамоты. Доску отрезать, смерить, разметить,

толщину определить, выковать какую ни на есть вещь — все же по мерке нужно. А инструктора зудят: «Никакой квалификации иметь не будете, коли грамоте не знаете». И опять к заведующему: «Как же, дескать, насчет того, чтобы миллиметрам научиться? А он смеется: «Учитесь, дескать, ребята, мы не против». Ему-то смех, а ребятам плохо: если грамоту знать, и — жалованье больше.

Поставили вопрос на собрании. Опять этот в кубанке приехал. Долго спорили, порешали на том, что взять по целковому с головы и нанять учителя. С тех пор и грамота пошла, а потом человек пять газету стали выписывать, почитывают. Книжечек захотелось почитать ребятам. Стали просить. И тут ответ: «Нет книжечек, если хотите — собирайте меж собою из жалованья деньги и купите». Видят ребята, что тут не шутят, чего горбом не заработкаешь, того не получишь. Многие в детских домах бывали, многие в коммунах жили раньше, когда поменьше были. Всегда в этих домах книжечку, газету давали с удовольствием, да не читали ребята. Сколько этих книжечек на стирочки¹ переделали — и не счешь, а тут смотрите — не дают. И пришлось опять на свои заработанные книжечки закупать.

Так постепенно стала работа налаживаться, постепенно начали ребята к культурной жизни приобщаться.

Первое время была беда с населением окружающим. Правда, в кузницу крестьяне лошадку подковать приведут — по-советски подкуют, а все же к себе в деревню

¹ Стирочки — игральные карты.

гостями не зовут. Ежели девчата гулять пойдут, после этого маменьки да папеньки долго их волтузят,—не гуляй с ворами! Ребятам обидно. Многие с заведующим советывались и порешили: надо брать на выдержку, надо подход к крестьянам найти.

Случай подвернулся. В деревне Иван Иванович, кулац, жил, лавочку свою имел, крестьян обижал, шкуру сдирал, твердил: «Не выгодно,—не бери». Иди за три версты в кооперацию, да и кооперация нешибко хороша. Не всегда все достанешь.

Вот ребята и задумали кооператив построить. Созвали собрание и делегацию в Москву послали, денег, дескать, занять—кооператив строить решили. Дали денег. Выделили трех человек. Написали им инструкцию. На обратном пути Васька-Курносый, председатель кооператива, обвязал вокруг ноги крепко на крепко в платочек 1.300 целковых, сапог надел.—«Знаем, сами работали, так обработают, что потом головы не снесешь». Ваську в кооператив выбрали потому, что он когда-то в магазине мальчиком жил, насчет товаров понимает. В помощь Канючку захватил. Привезли товар и торговаться начали. Чудно крестьянам—воры торговаться решили! Смеются, издеваются—скоро проторгуются, сами-де расторгнут все. А ребята к крестьянам с почтением.

Поодиночке сначала, чтобы посмотреть, удастся ли ворам кооперация, приходили мужики, а потом и покупать потихоньку стали в кооперативе.

Забеспокоился Иван Иванович. Через два месяца в кооператив пришел, поговорил с ребятами и предложил: «Давайте заединую торговаться». Не тут-то было. У ребят

твёрдая инструкция была: надо с крестьянами связь завязать, а кулака разорить! Отказали. А к тому же и клуб развернули, и вечерочки пошли. Мастаки большие плясать ребята. Балалайку купили. Тогда и деревчата деревенские начали ходить.

А тут на текстильной фабрике слух пошел, что картины ставят в коммуне. Начали молодые работницы коммуну посещать. Постепенно коммунары стали вовлекать в свою работу и окружающее население. И когда наступило время выборов в сельсовет, были приглашены и коммунары, и им тоже было предоставлено одно место в сельсовете.

Не так-то легко было ребятам порвать с прошлым. Шпана родная, шалман¹ родной, фомочка стальная, шаплеры и стмычки не легко забывались.

Очень хорошо об этом пишет доморощенный поэт в своем стихотворении о шпане:

Прощай, шпана родная,
В шалмане мне не жить,
А фомочка стальная,
Тебя мне не носить.

А все же перелом в настроении налицо. Кончает он свое стихотворение так:

Одна будет отрада,
В стихах своих мне петь,
Не презирать нас надо,
А только лишь жалеть.

¹ Шалман — притон.

Знают ребята о своем темном прошлом, крепко помнят об этом. Знают, что много надо работать над тем, чтобы это прошлое забыть. Ищут оправдание: «Будь вором от матери, не слышал и не учен отцом своим», — так пишет в свое оправдание и в оправдание всей шпаны поэт.

Стенгазета начинает развиваться, журналы — обычное явление в руках членов коммуны. Появилась тяга к общественности — в результате чего организовалась комсомольская ячейка. Сначала небольшая группа, так как отбор был тщательный. Очень осторожно подходили к этому ребята, но зато получилась крепкая группа.

Не без перебоев протекала жизнь коммуны. Были отщепенцы, а главное — это борьба за разоблачение проступков, за то, чтобы не скрывать проступков своих же. Смертельным грехом считается среди воров грозное название «лягавый». Приклеивается оно в воровском мире каждому, кто выдает своих, и его об'являют вне закона. И только актив, который начал сознавать важность жизни коммуны, помог в борьбе с этим злом, которое могло бы погубить эту организацию.

Раз был такой случай: поймали с поличным одного из ребят. Привели на собрание — решили, что необходимо его посадить. Бурное собрание было. Как посадить своего, сладко ли в тюрьме, а понимают, что посадить нужно, иначе будет худо. Нужны строгие меры, иначе — развал. Присудили. А кто же отвезет, кто повезет своего в тюрьму? Тишина. Решили просить конвой. В конвое отказали, и вынесли соломоново решение — осужденному самому пойти в ГПУ для того, чтобы

отбыть наказание. Пошел сам, пришел, позвонил по телефону: «Примите, дескать, отсиживать надо». Не верится, но факт. Он знал хорошо, что ежели не пойдет, свои не простят, под землей найдут.

А тут новые из тюрьмы пришли. Опять вожак появился. Власть хотел забрать. Скрутили. Крепок коллектив.

Все обсуждает собрание. И вот уже третий раз очень много говорят о том, брать девчат в коммуну или нет. А девчат придется брать особых. Недалеко за ними ехать—в Москву, в Новинскую тюрьму. Но только девчата фартоватые¹, воровать почище ребят умеют, ну и насчет выпивки тоже! Ребята все советуются, обсуждают. Конечно, заверение общего собрания есть: дескать, не только не тронем, но и другим не позволим. Ну, а как поверить? Если бы отдельно от ребят, оно бы еще можно, опыт есть, а вот вместе. А все же порешили—надо взять.

Ребята решили: если брать, то настоящих, чтобы задков по восемь, и поехали в Новинку. Сначала заведующий и опять этот в кубанке. История началась сначала. Подвох. На сей раз поступили проще. Предложили новинским девчатам выбрать делегатку, чтобы поехала, посмотрела,—а потом девчатам рассказала. Выбрали Сашку-Городушницу. Фартоватая девчонка Сашка, весь Проточный знает, да что Проточный, восемь задков—стаж приличный для того, чтобы знать. Имеет Ваньку брата, он второй раз в Соловках отсиживает. Костька Оглец, братишко, шарапом² промышляет, чердачка не пропустит

¹ Фартовый—умелый, ловкий.

² Шарапом—группой в расхват.

в трамвае. Все семейство квалификацию имеет. Бедовая Сашка, поплясать может, да и с лица недурна. В коммуну приехала, а знакомых хоть отбавляй, все ребята свои. Сразу договорились, решили. Разные были. Тяжело пришлось в первое время. Ребята за девчатами поглядывают, а те огрызаются. Сначала было захотели по-своему поставить. Не вышло. Таньку через неделю исключили—круто взяли. Не охочи до работы девчата, а пришлось работать. Перед ребятами неудобно. Ребята работают—они чем хуже? И пошли—кто в сапожную, кто в слесарную, а Валька за токаря стала. Шутка сказать, десять лет сроку Валька имела, в бандитской шайке участвовала, хотя семнадцать лет от роду. От «высшей» отбоярилась только по малолетству, а теперь токарь—108 руб. зарабатывает, потому что здорова и способна.

Шепчутся по вечерам ребята с заведующим, делятся своими впечатлениями, вырабатывают план действия. Поглядывают за деревенскими парнями, которые не прочь поухаживать за коммунарскими девчатами. Злятся девчата—подумаешь хахали какие!

Так начала обживаться группа девчат. Постепенно освоились и взяли вторую партию.

В коммуне не было спорта сначала. Потом появилась футбольная команда. А там и стрелковое дело начало развиваться, коммунарам захотелось пострелять. Разрешение добыли. Мелкокалиберные винтовки на общие средства приобрели. С опаской соглашались руководители, а все же решили не препятствовать. А потом пошло—

кто охотничье ружье купит, кто двухстволку, кто и на волка заряжает. Два года ребята с оружием, а кроме охоты еще нигде оружие не применяли.

А Сережка Хромой еще чище придумал—начал своей конструкции револьвер изобретать. Изобрел ведь! Да только с порохом не ладится. Все норовят свой состав пороху создать. Добился, но только больно много насыпать приходится, да дыма много—дуло портится. Решил заняться химией. Упорно занимается.

Коммуна растет. Средний заработка—70 р. Давно перешагнули кустарное производство. Одна сапожная фабрика вырабатывает более 300 пар обуви в день. Слесарная за четыре месяца 12.000 пар коньков выпустила. Новый корпус с новым оборудованием, трикотажная фабричка появилась. Не отстает кузница—расширяется. 40% членов коммуны получают от 100 р. и выше, завелись мотоциклы, появились велосипеды. Строят за свои деньги летний клуб, занимаются руководители спорта. Гордо похаживают хозяева коммуны. Еще бы, теперь они не только себя оправдали, но кое-что поднабрали на новое строительство и строят на четвертом году своего существования четырехэтажный каменный дом на 500 человек с квартирами.

Насущная потребность в квартирах—45 человек жена-
тых, ясли нужны. Клуб мал стал. Тут рядом строят двух-
этажную фабрику коньков, механическую для металлических
изделий, одних коньков 300.000 пар выпускать
в год будут. К четвертому году существования до
800 человек расшириться хотят. Расплачиваются с со-
ветской властью ребята.

Выделили из своей среды кадры инструкторов. Вывросла новая коммуна. Шутка сказать—на 1.300 человек новая коммуна. И почти уже нет в Москве беспризорных и юношей—правонарушителей. Всех собрали, сколотили новую коммуну, а руководят «бывшие». Не успокоились, еще выделили. Подобрали всех от Москвы до Тифлиса—8.000 чел., сорганизовали, и новый подарок готовят. Надо к четвертому году своего существования помочь собрать всех с улицы в местах наибольшего скопления и этим самим оправдать свое существование.

Много песен сами складывают о себе члены коммуны. Новые замыслы и желания появились: учеба, тяга к культуре. Уже ко второму десятку подтягиваются ребята, работающие на производстве и одновременно обучающиеся на вечерних курсах-рабфаках. Не разрешили уходить с производства: коли хочешь учиться, работай и учись. Выдержишь, значит «достойный».

Тяжело приходится ребятам. 8 часов работай, а потом в Москву на рабфак. Но зато такой ценой добытая прочна учеба. Так рассуждают члены коммуны.

Быстро растут обороты кооператива. Не одна деревня, а большие очереди из окружающих деревень толпятся в кооперативе. Почетными гостями на ближайших заводах и деревнях считаются члены коммуны.

Техническая неграмотность давно ликвидирована. Об этом забыли. Сейчас тянутся за специальными знаниями. «Нужно это обязательно», так рассуждают ребята и с упорством добиваются своего.

Удивляются заграничные делегации, посещающие коммуну. Подолгу ходят, щупают, смотрят, разговаривают.

Враги злятся, а доброжелатели с восхищением и любовью смотрят на фабрику переработки людей.

Не верится, а факты неопровергимы. Люди, недавно бывшие подонками общества, люди, которые прошли суровую школу борьбы за жизнь, в условиях коммуны перерождаются.

Так осуществляется идея Дзержинского, так ОГПУ вносит своим опытом новый вклад в социалистическое строительство.

Благодаря колоссальной энергии, затраченной руководителями ОГПУ, живет и ширится эта организация—не эксперимент, а факт, подтвержденный самой жизнью.

Детище Октября—вот что такое Трудкоммуна!

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ВЫШЛИ В СВЕТ:

- № 325. Дмитрий Стоянов—Туркестанские рассказы.
№ 326. Алексей Толстой—Живые тени.
№ 327. А. С. Серафимович—Лесная жизнь.
№ 328. Рудольф Пресбер—Красный осел.
№ 329. К. Трепев—Тихий город.
№ 330. Виктор Гюго—Последний день осужденного.
№ 331. А. Никулин—1500 километров по Франции.
№ 332. Артур Голличер—В стране Ганди.
№ 333. Н. Тихонов—Избранные стихи.
№ 334. С. И. Сергеев-Ценский—Живая вода.
№ 335. Кнут Гамсун—Эдварт и Август.
№ 336. Л. Сейфуллина—Простые рассказы.
№ 337. Алексей Окулов—В снегах.
№ 338. Ник. Погодин—Дом золотой крышей.
№ 339. Ефим Зозуля—По Европе.
№ 340. Леонид Гроссман—Казнь Достоевского.
№ 341. Мариэтта Шагинян—Восточные рассказы.
№ 342. Галина Серебрякова—Пестрая Бухара.
№ 343. Зинаида Рихтер—Алдан.
№ 344. С. Штрайх—Правокатор Завалишин.
№ 345. К. Левин—Записки из плена.
№ 346. В. Правдухин—Заколдованный ток.
№ 347. И. Сухотин—Игрушка.
№ 348. Морис Бонефф—Сын народа.
№ 349. Анатоль Франс—Прокуратор Иудея.
№ 350. В. Павлов—Мусор на постройке.
№ 351. Генрих Манн—Рассказы.
№ 352. С. Сергеев-Ценский—Гриф и Граф.
№ 353. Анна Григорова—Дневник ученицы.
№ 354. Рода Рода—Желчь и яд.
№ 355. А. Бархаши—На вершине Эльбруса.
№ 356. Г. Рыжкин—Горе дну.
№ 357. Мих. Герасимов—Избранные стихи.
№ 358. Ал. Вознесенский—Дикарь.
№ 359. Н. А. Карнов—Больной зуб.
№ 360. Вл. Линд—Марита Веневцева.
№ 361. Шарль Луи Филипп—Шарль Бланшар.
№ 362. А. С. Грин—Вокруг света.
№ 363. С. Мстиславский—Смерть Гапона.
№ 364. П. Павленко и Бор. Пильник—Лорд Байрон.
№ 365. Александр Сытиц—Бой пауков.
№ 366. Ярослав Кащек—Юмористические рассказы.
№ 367. К. Шильдкерт—Рассказы.
№ 368. Г. Клейт—Михаэль Кольгаас.
№ 369. Франсуа Рабле—Женитьба Панурга.
№ 370. Молодой Казахстан.

ЦЕНА КАЖДОЙ КНИЖКИ 15 КОП.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА

Под редакцией и со вступительной
статьей А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
(Новое издание Госиздата РСФСР)

24 тома

даёт своим подписчикам в 1929 г.

ОГОНЕК

52 №-ра „Огонька“
24 тома А. Чехова
в год

16 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:
при подписке—4 руб., к 1 марта—4 р. 50 к., к 1 мая—4 р. и
к 1 июля—3 р. 50 к. Уплатив-
шим деньги сразу—скидка 1 р.

**МОСКВА 6 СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР 11
АКЦ. ИЗДАТ. О-ВУ „ОГОНЕК“**

Цена 15 коп.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Рекомендованная союзом писателей
СССР Членами Академии Наук СССР
(Совета Союза писателей СССР)

Либретто АС

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ «ОГОНЕК»

Принимается только вместе с журналом „ОГОНЕК“.

Еженедельный иллюстрированный журнал „ОГОНЕК“ с приложением
ДВУХ книжек Библиотеки „ОГОНЕК“ еженедельно к каждому номеру.

1 мес.—1 р. 40 к., 3 мес.— 3 р. 75 к.
6 мес.—7 р. — к., 1 год — 13 р. 50 к.

АДРЕС:

Москва 6, Страстной бульвар, д. 11, телефон 5-51-69.
Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.